

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2025-3-52-57>

Конституционный принцип разделения властей: риск дисбаланса при институциональном преобладании

М. М. Вахтин

Младший юрисконсульт ООО «Стелфорт».

Адрес: ООО «Стелфорт»,

119017, Москва, Пятницкая ул., д. 37.

E-mail: vm.maksimovich@yandex.ru**Г. Н. Василенко**кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых
и уголовно-правовых дисциплин РЭУ им. Г. В. Плеханова.Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
109992, Москва, Стремянный пер., д. 36.E-mail: Vasilenko.gn@rea.ru

The Constitutional Principle of Separation of Powers: the Risk of Imbalance with Institutional Dominance

M. M. Vakhtin

Junior Legal Adviser, Stelfort LLC.

Address: Stelfort LLC,

37 Pyatnitskaya Str., Moscow, 119017, Russian Federation.

E-mail: vm.maksimovich@yandex.ru**G. N. Vasilenko**PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor
of the Department of State and Criminal Law Disciplines of the PRUE.Address: Plekhanov Russian University of Economics,
36 Stremyanny Lane, Moscow, 109992, Russian Federation.E-mail: Vasilenko.gn@rea.ru*Поступила 01.08.2025 Принята к печати 15.08.2025*

Аннотация

Предметом исследования является конституционный принцип разделения властей и его практическая реализация в Российской Федерации, в частности взаимодействие судебной и законодательной ветвей власти с исполнительной. В центре внимания оказывается не столько формальное закрепление этого принципа в тексте Конституции, сколько реальные механизмы влияния исполнительной власти на процессы кадрового и институционального формирования других ветвей. Методологической основой работы выступают сравнительно-правовой анализ, институциональный подход и элементы системного анализа, позволяющие проследить не только юридические, но и политико-правовые последствия складывающейся ситуации. Научная новизна исследования заключается в попытке рассмотреть назначение представителей судебной власти не как частный кадровый вопрос, а как индикатор возможного изменения баланса властей, напрямую связанного с законотворческим процессом. В статье формулируется гипотеза о том, что постепенная нормализация зависимости суда от исполнительной власти способна привести к усилению управляемости законодательной деятельности и, в конечном счете, к снижению автономности парламента как института. В итоге авторы приходят к выводу, что при сохранении формальных процедур разделения властей их фактическое содержание подвергается трансформации. Это создает риск подмены принципа баланса властей его имитацией и открывает путь к институциональному доминированию исполнительной власти, что в перспективе может существенно изменить характер российского законотворчества.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, принцип разделения властей, баланс властей, судебная власть, законодательная власть, исполнительная власть, законотворческий процесс, независимость суда, парламент, кадровая политика, институциональные риски, политико-правовой анализ, конституционное право, трансформация государственной власти, управляемость законотворчества.

Abstract

The subject of this study is the constitutional principle of separation of powers and its practical implementation in the modern Russian Federation, in particular the interaction between the judicial and legislative branches of government and the executive branch. The focus is not so much on the formal enshrinement of this principle in the text of the Constitution as on the real mechanisms of influence of the executive branch on the processes of personnel and institutional formation of other branches. The methodological basis of the work is comparative legal analysis, an institutional approach, and elements of systems analysis, which allow us to trace not only the legal but also the political and legal consequences of the emerging situation. The scientific novelty of the study lies in its attempt to consider the appointment of representatives of the judiciary not as a private personnel issue, but as an indicator of a possible change in the balance of powers directly related to the legislative process. The article formulates a hypothesis that the gradual normalisation of the court's dependence on the executive branch could lead to greater control over legislative activity and, ultimately, to a reduction in the autonomy of parliament as an institution. The author concludes that while formal procedures for the separation of powers remain in place, their actual content is undergoing transformation. This creates the risk of replacing the principle of balance of powers with its imitation and paves the way for the institutional domination of the executive branch, which in the long run could significantly change the nature of Russian lawmaking.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, principle of separation of powers, balance of powers, judicial power, legislative power, executive power, lawmaking process, independence of the courts, parliament, personnel policy, institutional risks, political and legal analysis, constitutional law, transformation of state power, controllability of lawmaking.

В первую очередь необходимо отметить, что принцип разделения властей представляет собой одно из ключевых оснований современной конституционной демократии. Российская Конституция 1993 г. закрепляет данный принцип в статье 10, провозглашая самостоятельность законодательной, исполнительной и судебной властей, а также требование их самостоятельности¹. При этом сам факт включения формулы разделения властей в текст закона был значимым шагом, поскольку он зафиксировал отказ от советской модели «единства власти», где партийное руководство концентрировало в своих руках все важнейшие управленческие функции [1. – С. 114].

Однако, справедливо будет отметить, что простое нормативное закрепление принципа еще не гарантирует его реальной эффективности. Конституция задает рамку, но ее наполнение зависит от политической практики и институциональной культуры. Следовательно, вопрос заключается не только в юридической фиксации, но и в том, каким образом в стране выстраиваются

отношения между ветвями власти в действительности.

Исторически идея разделения властей восходит к трудам Дж. Локка (четкое выделение законодательной и исполнительной властей, упоминание «федеративной» – отвечающей за внешнюю политику) [3. – С. 157] и Ш. Монтескье [5. – С. 365]. В классической доктрине подчеркивается необходимость не только институционального разграничения функций, но и создания системы сдержек и противовесов, обеспечивающих баланс. Тем самым предполагается, что каждая из ветвей власти ограничивает другую, не позволяя ей превратиться в доминирующий центр принятия решений.

В российской юридической науке эта доктрина подвергалась различным интерпретациям. С одной стороны, можно указать на ее универсальность и необходимость прямого применения в отечественном правовом порядке. С другой стороны, существовало направление, подчеркивающее специфику российского политического контекста и необходимость адаптации принципа к «сильной президентской власти», закреплённой Конституцией.

Иными словами, сама идея баланса властей в отечественной науке нередко рассматривалась сквозь призму президентской доминанты, что су-

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru>, 26.08.2025.

щественно отличает российскую модель от классических западных образцов [4. – С. 33].

Таким образом, теоретическое осмысление принципа разделения властей в России балансирует между стремлением к универсализму и признанием национальной специфики. Это неизбежно приводит к тому, что в научных дискуссиях возникает противоречие: либо говорить о формальном заимствовании западных идей, либо о создании своеобразного гибридного института, работающего по иным правилам.

На уровне формально-правовых механизмов Конституция Российской Федерации действительно предусматривает институциональные гарантии независимости властей. Федеральное собрание Российской Федерации, а именно нижняя палата – Государственная Дума (далее – парламент), избирается всенародно и наделено правом законодательства; президент получает полномочия главы государства и формирует исполнительную власть; суды провозглашаются независимыми, а их деятельность обеспечивается особым порядком назначения и несменяемостью судей.

Тем не менее, если обратиться к фактической стороне вопроса, становится очевидным значительное расхождение между конституционными декларациями и политической практикой. Например, институциональная зависимость судебной власти от исполнительной выражается в порядке назначения судей, что создает дополнительные возможности для административного контроля. Аналогичным образом парламент формально обладает широкими законодательными полномочиями, однако на деле именно исполнительная власть зачастую становится инициатором ключевых законопроектов.

Таким образом, мы наблюдаем ситуацию, когда формальные механизмы независимости существуют, но они нивелируются политической практикой, основанной на иерархической логике исполнительной власти. И именно это различие между нормой и реальностью становится главным вызовом для российского понимания принципа разделения властей.

Если говорить о практическом измерении принципа разделения властей, то именно судебная ветвь оказывается в наиболее уязвимом положении. Ведь ее независимость, формально закрепленная в Конституции, на деле во многом определяется процедурами назначения, карьерными траекториями судей и степенью вовлеченности исполнительной власти в кадровые решения.

Формально процедуры назначения судей высших судебных органов предполагают баланс полномочий: президент Российской Федерации вносит кандидатуры, а Совет Федерации утверждает их. Однако фактически данная схема выстраивается в пользу исполнительной власти, поскольку именно президент определяет список претендентов. Парламент при этом выступает скорее в роли легитимирующего органа, который редко отклоняет предложенные кандидатуры.

На первый взгляд, подобная модель может казаться вполне рабочей: исполнительная власть обеспечивает управляемость, а судебная система функционирует без ярких конфликтов. Однако в долгосрочной перспективе возможен риск нормализации зависимости судов от исполнительной ветви. То есть возникает ситуация, при которой сама идея независимости судебной власти постепенно вытесняется, а общество и профессиональное сообщество начинают воспринимать подчиненность судебной системы политическим интересам как нечто естественное.

Более того, такая зависимость формирует своеобразную «культуру лояльности», когда ключевым критерием карьерного роста становится не профессиональная компетентность и юридическая аргументация, а соответствие ожиданиям политического центра. Это в свою очередь подрывает саму логику разделения властей, превращая суд в орган, подтверждающий решения, уже принятые в иных кабинетах.

Таким образом, общественное восприятие судебной власти в значительной мере определяется кадровой политикой государства. Каждое назначение становится своего рода сигналом о том, какой именно баланс между независимостью и контролем готова поддерживать власть. И чем более очевидной становится управляемость судебной системы, тем сильнее снижается доверие к ней со стороны граждан.

В результате мы имеем двойственный эффект: формально суд остается самостоятельной ветвью власти, но фактически он воспринимается как часть исполнительной вертикали. И именно эта разница между конституционной нормой и общественным ожиданием является сегодня одной из главных проблем российского правопорядка.

При рассмотрении следующего элемента триады властей, а именно законодательной власти, ситуация воспринимается как более устойчивая. Конституция Российской Федерации закрепляет парламент как самостоятельный орган, наделен-

ный правом принятия законов, контроля за исполнительной властью и выражения воли народа через представительство. Однако, как и в случае с судебной системой, реальное положение вещей оказывается значительно сложнее, чем это следует из текста Конституции Российской Федерации.

Прежде всего следует напомнить, что статьи 94–105 Конституции Российской Федерации очерчивают весьма широкие полномочия Федерального Собрания.

Т а б л и ц а

Принятые законы по субъектам законодательной инициативы в Российской Федерации за 2022–2025 гг.*

Год	Общее количество принятых законов	Из них правительственные	Иные субъекты (Президент России, депутаты, СФ и др.)	Доля правительственных инициатив, %
2022 ¹	653	390	263	59,7%
2023 ²	694	332	362	47,8%
2024 ³	564	265	299	47,0%
2025 (данные приведены на 24 июля 2025 года) ⁴	376	166	210	44,1%

* Расчеты авторов сделаны на основе открытых данных.

Государственная Дума вправе принимать законы, утверждать кандидатуру председателя правительства, заслушивать ежегодные отчеты правительства о результатах деятельности. Совет Федерации, в свою очередь, участвует в формировании высших судебных органов и решает вопросы использования вооруженных сил. Формально это выглядит как классическая модель парламентской автономии.

Однако, как справедливо отмечают многие исследователи, данные конституционные положения функционируют в условиях доминирования президентской власти, что существенно снижает степень самостоятельности парламента. Важнейшие механизмы контроля, заложенные в Конституции, на практике почти не применяются в качестве инструмента политического противоядия [2. – С. 55].

Не менее показательна практика законодательного процесса. Если обратиться к статистике законопроектных инициатив, то легко заметить, что основным источником законодательных предложений являются не депутаты, а именно исполнительная власть: правительство, а также отдельные ведомства. Таким образом, парламент зачастую выступает не как генератор политических решений, а скорее как канал институционализации уже сформулированных инициатив.

Более того, ключевые законопроекты проходят процедуру согласования еще до внесения в Государственную Думу. К моменту рассмотрения они фактически приобретают форму политически предопределенных решений. В результате сама процедура обсуждения в парламенте превращается в формальность, где роль депутатов сводится к утверждению заранее согласованных позиций.

Эта практика во многом объясняет устойчивость тезиса о том, что Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации действует не как самостоятельная законодательная власть, а как своеобразный «расширенный аппарат исполнительной», выполняющий функцию легитимации управленческих решений.

Очевидно, что такое положение вещей не может не иметь долгосрочных последствий. Во-первых, снижается авторитет парламента в глазах общества: если депутаты не воспринимаются как реальные представители интересов избирателей, то доверие к парламентской системе оказывается подорванным. Во-вторых, теряется сама логика системы сдержек и противовесов, ведь парламент фактически перестает выполнять функцию контроля за исполнительной властью.

Наконец, в перспективе подобное ослабление институциональной автономии приводит к тому, что законодательный процесс утрачивает гибкость. Когда инициатива исходит исключительно от исполнительной ветви, законы начинают «обслуживать» приоритеты административного аппарата, а не отвечать на запросы общества. В результате накапливается эффект отчуждения

¹ Больше, быстрее, единогласнее: как Госдума работала в 2022 году // РБК/ – URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2022/12/26/63a47b9a9a794707d6da3064?> (дата обращения: 02.09.2025).

² 694 — такое рекордное количество федеральных законов было принято Госдумой в 2023 г. // Экономика и жизнь. – URL: <https://www.eg-online.ru/news/481689/> (дата обращения: 05.09.2025).

³ Госдума за 2024 год приняла 564 закона // Интерфакс. – URL: <https://www.interfax.ru/russia/998328> (дата обращения: 04.09.2025).

⁴ Законопроектный институт: с какими результатами Госдума закрыла весеннюю сессию // Известия URL: <https://iz.ru/1925437/maksim-bazanov/zakonoproektnyj-institut-s-kakimi-rezultatami-gosduma-zakryla-vesenniyu-sessiyu> (дата обращения: 11.09.2025)

между гражданами и институтами власти, что в конечном счете подрывает и устойчивость всей политической системы.

После рассмотрения институциональной автономии парламента перейдем к вопросу о том, каким образом исполнительная власть влияет на общий баланс властей в российской политико-правовой системе. Здесь мы сталкиваемся с устойчивой тенденцией: формально существующие разграничения полномочий все чаще оказываются подчинены логике административного центра, в результате чего судебная и законодательная ветви функционируют скорее как инструменты обслуживания приоритетов исполнительной власти, а не как самостоятельные субъекты политики.

Отметим, что судебная система в современных условиях играет особую роль. С одной стороны, как неоднократно отмечалось ранее, Конституция закрепляет ее независимость, но с другой, практика свидетельствует о том, что именно суды становятся механизмом подтверждения законности решений, уже принятых на уровне исполнительной власти. Более того, судебная власть все чаще выполняет функцию «арбитра в пользу государства», когда дела, имеющие политический или экономический вес, завершаются в пользу органов управления.

Таким образом, судебная власть приобретает не столько автономный характер, сколько функцию институциональной легитимации: ее решения призваны укреплять видимость правопорядка и подтверждать правомерность управленческих инициатив. В итоге общественное восприятие суда все больше связывается не с защитой личности, а с обеспечением устойчивости политической системы.

Если обратиться к законодательной ветви, то здесь ситуация оказывается не менее показательна. Как уже отмечалось, основная масса законопроектов исходит именно от правительства и подконтрольных ведомств. В этом смысле парламент утрачивает традиционную функцию центра дискуссии и постепенно превращается в канал легализации уже подготовленных инициатив.

В результате создается институциональная конструкция, в которой законодательная власть не выполняет функцию равновесного звена. Наоборот, она встроена в единую вертикаль и действует как дополнительный ресурс исполнительной власти, повышающий степень формальной легитимности принимаемых решений.

Таким образом, законотворческий процесс оказывается ориентированным не на конкуренцию идей и представительство интересов граждан, а на воспроизводство политической линии, заданной правительством и президентом.

Если попытаться очертить возможные перспективы, то можно выделить несколько сценариев.

Во-первых, инерционный сценарий предполагает сохранение текущей модели, где исполнительная власть продолжает доминировать, а парламент и суд функционируют как вспомогательные структуры.

Во-вторых, нельзя исключать сценарий постепенной институционализации парламентских процедур и усиления роли суда в связи с растущим социальным запросом на независимость правосудия. Такой вариант маловероятен в краткосрочной перспективе, но в долгосрочной динамике способен привести к смещению баланса.

Наконец, третий сценарий связан с возможностью дальнейшего сокращения автономии законодательной и судебной власти. В этом случае принцип разделения властей сохранится лишь в качестве конституционной декларации, тогда как фактическое управление будет строиться на логике единой исполнительной вертикали.

В любом случае очевидно, что будущее российской модели разделения властей зависит не столько от формально закрепленных норм, сколько от политической практики и готовности институтов к самостоятельной роли. И именно это противоречие между текстом Конституции и реальной динамикой властных отношений сегодня определяет ключевую проблематику развития правового государства в России.

Подводя итог, можно заметить, что принцип разделения властей в российской правовой системе выступает скорее нормативным ориентиром, чем реально работающим механизмом. На уровне конституционного текста он закреплен достаточно последовательно и формально охватывает все три ветви власти. Однако, как показывает анализ институциональной практики, баланс в системе сдержек и противовесов заметно смещен в пользу исполнительной власти.

Судебная система, как видно, все чаще выступает не в роли независимого арбитра, а в роли института, подтверждающего легитимность политических решений. Парламент, в свою очередь, оказывается встроенным в логику доминирования правительства и теряет возможность

быть центром содержательной дискуссии. Таким образом, два института, призванные по замыслу ограничивать исполнительную власть, фактически оказываются вовлечены в ее укрепление.

Тем не менее важно подчеркнуть: подобная ситуация не является статичной. В каждом обществе существуют процессы перераспределения власти и изменения общественного запроса. Если усиливается потребность в подлинной судебной независимости или в парламентском представительстве, то институциональные механизмы рано или поздно начинают подстраиваться

под эти ожидания. Следовательно, говорить о завершенности модели преждевременно.

Именно в этой двойственности, между декларативной нормой и политической реальностью, между устойчивостью существующей вертикали и потенциальными изменениями и проявляется специфика российского разделения властей. В сущности, это не столько проблема «несоответствия Конституции», сколько отражение динамики политической системы, где нормы права неизбежно сталкиваются с логикой власти.

Список литературы

1. Ермаков Е. Н. Трансформационный процесс разделения властей в политической системе российского общества в постсоветский период // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2016. – № 3 (11). – С. 113–124.
2. Керимов А. А. Институт парламентаризма в легитимации политической власти в современной России: акторы, стратегии, ресурсы: дис. ... д-ра полит. наук. – Екатеринбург, 2018.
3. Локк Дж. Два трактата о правлении. – Челябинск : Социум Челябинск, 2023.
4. Медушевский А. Н. Проблемы модернизации конституционного строя: нужно ли пересматривать Основной Закон России? // Вестник института Кеннана в России. – 2013. – № 3 (11). – С. 28–39.
5. Монтескье Ш. Л. О духе законов. – М. : АСТ, 2021.